

В НОЯБРЕ 2008 ГОДА независимая группа британских демократических левых *Compass* опубликовала доклад известного социолога, профессора Уорикской школы бизнеса Колина Крауча под названием «После приватизированного кейнсианства»¹, в котором он наглядно показал, что, вопреки набившей оскомину неоллиберальной риторике, кейнсианская политика управления спросом, в какой-то момент давшая сбой на уровне правительств, не просто никуда не исчезла, но и на протяжении последних двух десятилетий продолжала обеспечивать воспроизводство капитализма в форме «приватизированного кейнсианства». Позднее в уважаемом левоцентристском журнале *Political Quarterly*, близком к Лей-

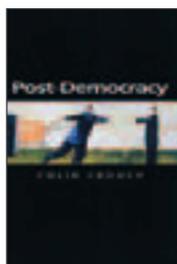
бористской партии, была опубликована развернутая статья Крауча «Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?»², в которой он обрисовал общие контуры нового политико-экономического режима с главенствующей ролью корпораций. Наконец, в своей статье «Усиление корпораций продолжается»³, опубликованной в майском номере журнала *Prospect*, он показал, что его диагнозы и прогнозы уже находят свое подтверждение. Эти работы настолько заинтересовали ПУШКИНА нетривиальностью своего подхода, трезвостью взгляда и глубоким пониманием исторической перспективы, что он обратился к профессору Краучу за разъяснением некоторых особенно любопытных моментов.

Приватизированное кейнсианство, корпорации и демократия

интервью с Колином Краучем

Чем, по-вашему, было вызвано появление кейнсианства в его первоначальной версии?

Первоначальное кейнсианство возникло из опыта экономических депрессий и масштабной и продолжительной безработицы, которыми характеризовались межвоенные

COLIN CROUCH. *Post-Democracy*. Cambridge: Polity, 2004⁴

COLIN CROUCH and WOLFGANG STREECK (eds). *The Diversity of Democracy: Corporatism, Social Order and Political Conflict*. Cheltenham: Edward Elgar, 2006⁵

Беседа и перевод с англ. АРТЕМА СМЕРНОВА

¹ COLIN CROUCH. After Privatised Keynesianism. *Compass Thinkpiece* No 41. 2008. <http://clients.squareeye.com/uploads/compass/documents/CTR41KeynesianismCrouch.pdf>

² COLIN CROUCH. What Will Follow the Demise of Privatised Keynesianism? *Political Quarterly*. 2008. Vol. 79. No. 4. P. 476–487.

³ COLIN CROUCH. The Rise and Rise of the Corporation. *Prospect*. May 2009. No. 158. P. 60–62.

⁴ Колин Крауч. Постдемократия.

⁵ Многообразие демократии: корпоративизм, социальный порядок и политический конфликт/под ред. Колина Крауча и Вольфганга Штрика.

годы в капиталистическом мире. Джон Мейнард Кейнс и некоторые шведские экономисты, мыслившие в схожем ключе и пришедшие к тем же выводам, считали, что эти депрессии были вызваны недостаточным спросом и что рынок не в состоянии был справиться с проблемой своими силами. Если потенциальным инвесторам казалось, что спрос был слабым, они просто отказывались инвестиро-

вать, что только усугубляло состояние экономики. Эти экономисты заявили, что правительство не должно сидеть и молча смотреть на происходящее: нужно было взять инициативу в свои руки и начать противодействовать кризису, увеличивая государственные расходы, когда спрос в частном секторе падал, и сокращая их, когда спрос возрастал и становился причиной инфляции. Во многих странах правительства в межвоенные годы были слишком слабыми, чтобы проводить политику, которую предлагал Кейнс. Но укрепление государства всеобщего благосостояния в скандинавских странах с середины 1930-х создало возможности для роста государственных расходов. В Британии Вторая мировая война и резкий рост военных расходов развязали правительству руки; после окончания войны правительство не отказалось от дефицитных расходов, которые теперь уже шли не на вооружения и содержание армии, а на создание госу-

КОЛИН КРАУЧ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ПУШКИНА»

13

Article by an MPIfG researcher

Colin Crouch: Приватизированное кейнсианство, корпорации и демократия. In: Pushkin (3), 13-15 (2009). Izdat. Evropa
The original publication is available at the publisher's web site:
<https://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Privatizirovannoe-kejnnsianstvo-korporacii-i-demokratija>

дарства всеобщего благосостояния. В разных странах история развивалась по-разному, но на протяжении первых тридцати послевоенных лет в капиталистическом мире существовал консенсус, что правительства должны использовать государственные расходы для защиты экономики от депрессии и инфляции.

Этот политический подход был тесно связан с ростом влияния рабочего класса в капиталистических странах. И на то были веские причины. Во-первых, рабочие больше всего страдали от экономической депрессии и безработицы. Во-вторых, они были главными получателями государственных расходов, а потому при введении новых программ расходов и налогов правительство всегда могло опереться на их поддержку. В-третьих, хотя кейнсианство было стратегией защиты или даже спасения капиталистической экономики, оно предусматривало активную роль правительства. А политика правительства была гораздо ближе к той, что пользовалась поддержкой социал-демократических партий и профсоюзов, чем к той, которую одобряло большинство буржуазных партий, хотя последние довольно быстро приспособились к новым условиям.

Что же заставило правительства отказаться от такой, казалось бы, продуктивной политики?

Эта история хорошо известна: их заставил пойти на это внезапный скачок цен на нефть и другое сырье в 1970-х. Инфляция, которую вызвал этот рост цен, требовала резкого сокращения, а не увеличения государственных расходов. Использовать для этого управление спросом было политически невозможно. Это был звездный час для критиков кейнсианства, веривших в превосходство свободных рынков без государственного вмешательства. Люди с такими взглядами начали определять экономическую политику во многих странах. Важно иметь в виду, что их приход к власти стал возможен только благодаря тому, что тогда, в конце 1970 — начале 1980-х, промышленные рабочие перестали составлять значительную часть населения (а большинством они не были никогда). Произошло сокращение их численности, начали появляться новые виды занятости, и у тех, кто был с ними связан,

уже не было четких политических предпочтений. Тогда-то кейнсианство и оказалось в глубочайшем кризисе: его методы не работали, а его политическая поддержка испарилась. Идея государственного управления совокупным спросом уступила место подходу, ставшему известным как неолиберализм.

Внешне неолиберализм был довольно жесткой доктриной: единственным средством борьбы с рецессией и высокой безработицей считалось снижение заработной платы до тех пор, пока она не станет настолько низкой, что предприниматели начнут снова набирать работников, и цены станут настолько низкими, что люди начнут снова покупать товары и услуги. Здесь начинается самое интересное: не будем забывать, что современный капитализм зависит от расходов массы наемных работников, которые платят за товары и услуги. Как можно поддерживать спрос у людей, которые постоянно вынуждены жить в страхе лишиться работы и средств к существованию? И как вообще двум странам, наиболее последовательно проводившим неолиберальную политику, — Британии и США — удалось поддерживать уверенность потребителей на протяжении целого десятилетия (1995–2005), когда неолиберализм достиг своего расцвета?

Ответ прост, хотя он долгое время не был очевиден: потребление наемных работников в этих странах не зависело от положения на рынке труда. У них появилась возможность брать кредиты на невероятно выгодных условиях. Этому способствовало два обстоятельства. Во-первых, большинство семей в этих и многих других западных странах брали кредиты на покупку жилья, а цены на недвижимость год от года росли, создавая у заемщиков и кредиторов уверенность, что эти кредиты надежны. Во-вторых, банки и другие финансовые институты создали рынки так называемых производных ценных бумаг или деривативов, на которых продавались долги, а риски, связанные с кредитами, распределялись среди множества игроков. Вместе эти два процесса привели к тому, что стало возможно предоставлять все большие кредиты все менее состоятельным людям. Нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе, имело место с долгами по кредитным кар-

там. В конце концов выросла огромная гора ничем не подкрепленных долгов. Банки утратили доверие друг к другу, и наступил финансовый крах.

Так что неолиберализм не был такой уж жесткой доктриной, какой казался. Если кейнсианство поддерживало массовый спрос за счет государственного долга, то неолиберализм попал в зависимость от гораздо более хрупкой вещи: частных долгов миллионов относительно бедных граждан. Долги, необходимые для поддержки экономики, были приватизированы. Поэтому я и называю режим экономической политики, при котором мы жили последние пятнадцать лет, не неолиберализмом, а приватизированным кейнсианством.

Что будет дальше? Следует ли нам ожидать масштабной национализации или радикального дерегулирования? Какой политико-экономический режим придет на смену приватизированному кейнсианству?

Будем реалистами: предложения радикальных левых и правых не встретят поддержки избирателей, да и правительствам они неинтересны. Никто не собирается переходить к социализму, а поскольку для сохранения капитализма нужно иметь уверенных потребителей, режим приватизированного кейнсианства сохранится, хотя и в преобразованном виде.

Распространенные страхи перед национализацией банков и крупных компаний едва ли оправдаются, так как в этом не заинтересовано ни правительство, ни сами банки. Скорее всего, ими будут управлять немногочисленные корпорации, признанные достаточно ответственными. Постепенно мы придем к более согласованной системе, основанной на добровольном регулировании и управляемой небольшим числом корпораций, поддерживающих тесные связи с правительством.

Здесь и гадать нечего: такова общая тенденция в отношениях государства и корпораций и кризис приведет лишь к ее усилению. Политики, разделяя неолиберальные предрасудки относительно государства как такового и считая, что руководство корпораций лучше знает, что нужно делать, все чаще будут опираться

Леонид Казенин. Зимний пейзаж в Абрамцево. 1945

ся на корпоративную социальную ответственность в деле достижения определенных политических целей. Крупный бизнес бывает очень умен и знает, как отвлекать от себя внимание недовольных и отвергать выдвигаемые обвинения, действуя на опережение и когда надо договариваясь.

При таком режиме наверняка будет меньше разговоров о рынке, свободе выбора и ограничении участия государства в экономике. Скорее, между компаниями и правительством сложатся партнерские отношения. Главным лозунгом будет не «рынок — это благо», а «корпорации — это благо».

Какие это будет иметь политические последствия?

Это, безусловно, приведет к росту влияния корпораций на политику: они будут выступать не столько в роли лоббистов, сколько в роли разработчиков государственной политики вместе с правительствами или даже вместо них. Корпорации вырабатывают для себя соответствующие кодексы поведения и формы ответственности. Они станут едва ли не главными политическими субъектами. Партии,

будь то правые или левые, вынуждены будут пойти на сделки с корпорациями, а различия между их экономическими программами и реальной политикой станут еще менее заметными, чем сейчас. В партийной политике сохранится много такого, чем можно будет заниматься и дальше: распределение государственных расходов, вопросы мультикультурализма, безопасность. Исчезнет то, что раньше составляло сердцевину партийной политики — базовая экономическая стратегия; надо сказать, впрочем, что в большинстве стран она исчезла уже несколько лет назад, хотя ее следы и обнаруживаются в риторике отдельных партий.

Конечно, этот режим будет не по нраву ни неолибералам, ни социал-демократам, но именно этот режим мы, скорее всего, получим, и именно он сможет в очередной раз примирить капитализм и формально демократическую политику.

Демократическую? На ум приходят слова американского политического ученого Чарльза Линд-

блома, сказанные им еще в 1976 году: «крупные частные корпорации плохо вписываются в демократическую теорию. По правде говоря, они вообще в нее никак не вписываются».

Что ж, согласен. Пять лет назад ровно об этом я написал книгу с красноречивым названием «Постдемократия». Конечно, это означает определенный отход от демократии и не вызывает большого восторга, но, в конце концов, выбор у нас невелик — либо ответственные корпорации, либо безответственные. Лучше иметь первые, а не вторые.

Не имеем ли мы здесь дело с очередной версией «конца истории», на сей раз корпоративного?

Конечно, нет. Это лишь идеальный тип будущего режима. Но сложность реальной жизни исключает возможность его чистого воплощения. Рано или поздно внутренние противоречия дадут о себе знать. У Гегеля был интересный персонаж — «крот истории». Он продолжает копать. ■